# Содержание

**I**

**КАПИТАЛ**

13

**II**

**ПЕРСОНА**

233

**III**

**В ПОИСКАХ БЕДЫ**

387

*Благодарности*

411

*Памяти Робера Бадентера*

Вы вроде бы неплохой человек. Зачем же вы решили ввязаться в такое грязное дело, как политика?

Барак Обама
*Дерзость надежды*

Я знаю то, чего никто больше не знает. Алкоголь нужен нам, чтобы жить.

Маргерит Дюрас
*Любовник*

# I

# КАПИТАЛ

*You know what capitalism is — getting fucked*[1].

Брайан Де Пальма.
*Лицо со шрамом*

1 Знаешь, что такое капитализм? Это когда все тебя имеют (*англ.*).

# 1

Первой реакцией Лемана при пробуждении было проверить рейтинг своей последней книги в списке продаж, и только потом он принимал транквилизатор, чаще всего ксанакс, но еще ему хорошо помогал лексомил. Когда во время бессонницы он вставал, чтобы чего-нибудь выпить, он не мог не поддаться соблазну и, уставившись еще сонными глазами в экран, пролистывал названия самых продаваемых книг. На первых позициях всегда было сплошное дерьмо. Чтиво для стареющих теток, идиотские названия, маркетинговые подвиги выпрыгивающих из штанов издателей: “Счастье закрывается в 14:00”, “Старость — это в голове”, “Вторая жизнь после пятидесяти”. Лидером продаж было сочинение “Моя жизнь без секса”, манифест хорошенькой тридцатилетней журналистки, полгода продержавшийся то на первом, то на втором месте: в эпоху сексуальной либерализации в моду вошло воздержание. Леман с от-

вращением прочитал это творение. Он считал, что жизнь без секса невозможна. И это не просто жестоко, но и опасно. Вся человеческая жизнь проходит в промежутке от рождения до смерти, а между ними внятной альтернативой самоубийству остается только секс.

Иногда Леман приходил в неистовый восторг, обнаружив, что поднялся на несколько пунктов, пару раз он даже опередил Марка Леви. Но чаще всего он опускался вниз — на 5 пунктов, на 16, на 56: каждое утро он мучился неизвестностью, целью было не вылететь из первой сотни, потому что это означало бы, что общество его уже похоронило.

В то утро его книга — роман-биография о личной жизни Карла Маркса — колебалась между 95-м и 99-м местами. Она называлась "Любовь и борьба!" — скверный выбор, неудачное решение и восклицательный знак, придающий оттенок истеричности. Сам он хотел назвать ее "Холодные воды расчетливого эгоизма", но издатель заявил, что, если автор хочет, чтобы книга хорошо продавалась, нужно что-то более броское. Предыдущая книга Лемана "Рывок" пятнадцать недель не опускалась ниже пятого места в категории "Эссе"; но это было незадолго до его избрания президентом Республики, тогда со всех концов Франции съехались тысячи его сторонников, они скандировали его имя в душных залах собраний, поддерживали его и готовы были выложить двадцать евро за то, чтобы прочитать этот претенциозный патриотический опус, в котором он не написал ни строчки.

С тех пор как год назад, после сумбурного пятилетнего правления, президент Дан Леман — он любил представляться именно так, хотя все звали его просто Леманом, — не сумел избраться на второй срок, он полностью посвятил себя воспитанию дочки, трехлетней Анны, которую родила его вторая жена, немецкая актриса Хильда Мюллер, когда ему исполнился шестьдесят один год, и продвижению своей книги: он гордился, что выторговал себе тридцать процентов гонорара вместо обычных десяти-двенадцати, и сетовал, что в цепочке книгоиздания авторы получают за свой труд меньше всех. Леман терпеть не мог парижских издателей, торгашей, которые похвалялись левыми взглядами, а сами обирали писателей, выплачивая им мизерные авансы и смехотворные отчисления, присваивали половину прав на выпуск аудиокниг и видеороликов и при этом требовали, чтобы авторы, как проститутки, шлялись по телепередачам и литературным салонам, и оплачивали им только такси. Он, конечно, общался с этим сбродом, но только по обязанности: надменность этой касты, их снисходительная манера общения, как будто он был каким-то невеждой, их лицемерно небрежное отношение к деньгам вызывали у него желание ткнуть их носом в ту ахинею, которую они публиковали ради наживы, хотя на словах презирали ее; кроме всего прочего, они досаждали ему, как, например, его бывший издатель, до того обнаглевший, что после поражения Лемана на выборах потребовал вернуть аванс, выплаченный за текст под предварительным названием “Будущее принадлежит нам”: поскольку такового не предвиделось, книга по-

теряла актуальность. Интересно, как все эти люди, чья деятельность не выходит за пределы 6-го столичного округа, представляют себе реальную жизнь в стране?

В то утро его книга опустилась на 97-е место; она неуклонно сползала в пропасть. Тем не менее у Лемана были все основания верить в лучшее: он ехал на запись передачи “Момент истины” на канале общественного телевидения — политическое ток-шоу, где он был основным участником. После того как оно выйдет в эфир, его книга возглавит рейтинг продаж, в худшем случае, если Марк Леви успеет побывать в программе “Искренне ваш”, займет второе место. Эта благодать, конечно, продлится недолго — сутки, может, двое, — зато ему несколько дней не придется мешать транквилизаторы с алкоголем. После передачи Леман надеялся если не начать новую жизнь, то по крайней мере продать на десять тысяч экземпляров больше: коммерческий директор издательства был в этом уверен. Брать интервью у Лемана должен был знаменитый журналист Бернар Брегет: ему стукнуло шестьдесят пять, сорок лет из них он проработал на телевидении, специализируясь, по мере смены руководства, то на политике, то на индустрии развлечений, и он все еще был в строю, этот красивый старик, немного рыхлый, с крашеными волосами и старомодным загаром, и Леман, хоть и невысоко ценил его интеллектуальный уровень, понимал, что тот делает то, о чем его просят, причем делает это чисто. Вероятнее всего, там будет еще одна журналистка, Рашель Пилоти — пятьдесят семь лет, ко-

мок враждебности, страшная как смертный грех, — она не заслуживала ничего кроме ненависти, поскольку кичилась своей непреклонностью, навязывая ее словно норму международного права; эта бывшая сотрудница “Монд”, которую все боялись, когда-то пережила свой миг славы, впрочем очень короткий, а после увольнения из редакции крупнейшего ежедневного издания на нее было жалко смотреть; пожалуй, он сумеет увильнуть от ее вопросов так, чтоб она не разозлилась, нужно только постараться, отвечая на них, не смотреть ей прямо в глаза, она наверняка покажет зубы, чтобы создать впечатление, что она ему достойный противник, что она женщина, умеющая постоять за себя, ведь она из тех, кто называет себя феминистками, но любит, когда про нее говорят, что у нее есть яйца, в любом случае на общественном телевидении она долго не протянет, если только не отсосет какому-нибудь мелкому администратору, впрочем, после *MeToo* это, увы, маловероятно. Ему гораздо больше нравилась Наджат Ассуи, красотка двадцати девяти лет, основательная и понятливая, жесткий, но не агрессивный интервьюер, она далеко пойдет, она-то усвоила, что с Леманом лучше дружить, и не боится появляться на экране с глубоким вырезом, показывая свою пышную грудь — натуральную или силиконовую, это отдельный вопрос; эта девушка никогда не старалась выглядеть как бесформенное нечто или как мужик, чтобы соответствовать новым феминистским стандартам, она не собиралась обвинять вас в сексуальных домогательствах, когда вы говорили ей, что она красивая, да, он уважал ее хотя бы за это. В отличие от Пилоти,

которая его терпеть не могла с тех пор, как он не взял ее в свою предвыборную команду: если уж предстоит потягаться с журналисткой из “Монд”, пусть она хотя бы будет привлекательной.

В итоге день выдался просто *ужасным*, программа, на которую его пригласили благодаря хорошим отношениям с дирекцией *France Télévisions*, пошла не по плану. Брегет из привычного малодушия не осмелился давить, зато Пилоти спустила на него всех собак. Леман спокойно отвечал на самые острые вопросы о своей политической деятельности — нужно было позволить Пилоти показать руководству канала и зрителям у экранов свою независимость и свободу, — но он не стерпел, когда она упомянула о том, что ему собираются предъявить обвинения в торговле влиянием и коррупции, хотя он поставил условие, что она появится здесь, только если не будет затрагивать эти темы, и с вызовом заметил: “Вам не стыдно распространять на общественном телевидении непроверенные слухи? На сегодняшний день я не получил ни одной повестки в суд”. В завершение программы его добил зритель в студии, некий Ришар семидесяти двух лет, который представился активистом, живущим на социальное пособие; он обвинил Лемана в обмане надежд рабочего класса: “На самом деле вы уже не имеете никакого отношения к левому движению! Вы, так же как Тони Блэр, отвернулись от рабочих, сторонников старой лейбористской партии, вступили в союз с денежными воротилами и превратили левых в правых! Вы Шрёдер, купленный Путиным! Вы делали подарки бизнесу, замал-

чивали социальные проблемы, игнорировали иммигрантов и жертв расизма, попирали ценности левых! Вы были всего лишь марионеткой парижской элиты, прислуживающей крупному капиталу". Ух ты, подумал Леман, вот и начались великие сетования на еврейский заговор, на лобби, которое тайком дергает за ниточки. Но он не дрогнул, поскольку привык к подобным довольно грубым обвинениям, он был толстокожим: "Я представляю левых, которые не боятся бизнеса. Быть левым — значит стремиться к равноправию в занятости, в образовании, в возможности изменить свою жизнь…" Но Ришара уже было не остановить. "Вы погубили Францию. Вас ненавидят, месье Леман, вас ненавидят", — отчеканил он, а Леман ему в ответ процитировал фразу Миттерана, произнесенную в 1968 году: "Я самый ненавидимый человек во Франции. Это дает мне небольшой шанс однажды стать самым любимым". Он мог бы сказать этому Ришару что-нибудь оскорбительное (когда ему очень хотелось выпить, он становился несдержанным), но все же, когда он вышел со съемочной площадки, чувствуя, что лицо покрыто липкой смесью пота, тонального крема и пудры "Армани" и что он весь взмок под слишком плотной белой рубашкой, когда он увидел, что в девятиметровой гримерке, заставленной бутылками дешевого вина и тарелками с резиновым печеньем, потому что на общественное вещание выделяли скудный бюджет, собралось все руководство канала — десять профессионалов с ввалившимися глазами, два часа смотревших на маленьком мониторе программу, посвященную политику без будущего, хотя сами явно мечтали попасть

домой и доесть остатки вчерашнего ужина под новый сериал *Netflix*, — он все же не выказал ни малейшего признака гнева, потому что был способен себя контролировать. Как и руководители канала: они несколько раз повторили, что шоу получилось отличным, что он был напорист — вежливый способ сказать, что он вел себя агрессивно, а они чуть не сдохли со скуки. Даже выбыв из игры, Леман остался бывшим президентом, и его окружал ореол небожителя. И пусть он лишился власти, он все еще занимал важное место среди влиятельных фигур на политической шахматной доске, по-прежнему был на короткой ноге с теми, кто принимает решения на самом высоком уровне, с теми, кто скупает телеканалы, газеты, журналы и другие медиаресурсы, как обанкротившиеся престижные бренды, по официальной версии, чтобы спасти/помочь/поддержать, а на самом деле чтобы укрепить свою власть, выбрасывая журналистов на свободный рынок, заставляя их пожирать друг друга и таким образом выявляя самых угодливых; журналисты, шутил Леман, такой же товар, как и все остальные, и по истечении срока годности их убирают с полки. Так что Леман мог еще пригодиться, как старый швейцарский нож, выкинуть который рука не поднимается. Он пережил все политические кризисы, все неудачи и даже депрессию. Он никуда не делся, все такой же бодрый, эмоциональный, он шагал по коридорам *France Télévisions*, выпятив грудь и выпрямив спину, готовый к бою, все еще уверенный, что многие жаждут его крови. Журналисты все так же порочили его, выкапывая разные подробности и набрасываясь на него целыми сворами,

эти придурки поливали его грязью, только чтобы показать, что они тоже ужинают с избранными или даже переспали с кем-то из президентов; политика, которой он посвятил всю жизнь, теперь сводилась к тому, чтобы мериться членами.

*СРОЧНО ВЫПИТЬ.* Было уже почти девять вечера,
а Леман еще не выпил ни глотка, его терзала тревога,
нарушая внутренние ритмы; он чувствовал,
что у него дрожат руки,
его захлестывает волна жара, а спина покрывается
испариной.
Нужно было чего-нибудь выпить,
это стало навязчивой идеей — *ВЫПИТЬ*,
запись программы началась позже, чем планировалось,
после семи часов алкоголь завладел всеми его мыслями,
время замедлилось вдвое,
ему показалось, что лифт едет вниз бесконечно долго,
он не мог думать ни о чем, кроме жажды.
В зеркале лифта он встретился взглядом с собой:
старея, он становился все больше похож
на итальянского режиссера Нанни Моретти:
та же сухощавая прямая фигура, немного
вытянутое лицо, красивые каштановые волосы,
тонкие, небрежно растрепанные,
черная, аккуратно подстриженная бородка
с легкой проседью, проницательные черные глаза,
очерченные темными кругами.
Перед входом в здание *France Télévisions*
его поджидали две женщины лет шестидесяти,
чтобы взять у него автограф; в обычное время
он задержался бы, чтобы поговорить, выслушать их,

перекинулся бы парой слов с каждой,
ведь он от природы был доброжелательным,
открытым, он любил людей,
ему нравилось ощущать эмоциональную
близость со своими сторонниками,
но сейчас это было невозможно;
он ускорил шаг,
не глядя на них и натянув на лицо вымученную
улыбку,
и сразу же почувствовал их разочарование:
*не такой уж он приятный; ну вот, даже*
*не остановился; строит из себя неведомо что,*
*хотя теперь он полный ноль;*
все это скатилось с него, не оставив следа,
жажда заняла все пространство его мыслей.

*ВЫПИТЬ*

В сопровождении двух телохранителей
он подошел к своему служебному автомобилю,
ждавшему перед стеклянным зданием телекомпании,
и велел пресс-секретарю издательства ехать
домой на такси,
он не мог подвезти ее домой, у него не было сил
с ней говорить, слушать, как она комментирует
передачу.

## *ВЫПИТЬ*

Он заметил в отдалении Джуна,
который служил у него водителем
уже двадцать пять лет:
тот держал на поводке Набукко,
пса пиренейской горной породы,
спокойного и послушного.

Леману, как и его предшественникам,
преподнесли этот подарок с подвохом,
и он сберег его, опасаясь общественного осуждения,
хотя терпеть не мог животных, но в конце
концов привязался к этому псу и в какой-то
момент с ужасом осознал, что это единственное
существо, которое, выражая свою любовь,
ведет себя совершенно искренне, и только ему
он может полностью доверять.
Завидев хозяина, Набукко принялся
крутиться волчком и повизгивать,
потом в порыве радости встал на задние лапы,
положив передние на грудь хозяина. Леман нырнул
в машину и, даже не включив телефон, поспешно
вынул из сумки фляжку и приложился к ней.

В считаные секунды тоска развеялась, алкоголь заполнил все внутренние пустоты. Он немного опустил стекло и провел рукой по шелковистой шерсти собаки.

У него перед глазами проплывал Париж, это зрелище никогда его не утомляло, а с наступлением вечера город обретал особенно притягательную, сумеречную красоту. В нескольких метрах от стеклянных панелей, которыми огородили Эйфелеву башню для защиты от возможных терактов, прямо на земле, усыпанной мусором, бездомные и мигранты устраивались на ночлег, завернувшись в раздобытые по случаю спальные мешки неприметных расцветок — им полагалось оставаться невидимками, — к ним прижимались их преданные собаки, служившие источни-